

Это была группа юных демонов, обитавших неподалёку от Каликэ.

Давно привлечённые ароматом жаркого Каликэ, они уже долго ждали его объедков.

В отличие от других демонов, которые съедали даже кости, Каликэ часто что-то оставлял. Хотя это были всего лишь потроха, как раз то, что могли съесть эти малые демоны с ещё слабыми охотничьими навыками.

Остов с остатками мяса и запахом специй был быстро подчистую разделан стаей юных демонов.

Слушая звуки снаружи, Каликэ забился в пещеру, полуприкрыв глаза. Он тоже собирался спать.

Он не думал о том, что будет делать завтра.

Жизнь каждый день была одинаковой, нужно было просто действовать по обстоятельствам.

Запах специй ещё витал в пещере. Каликэ, вдыхая его, внезапно снова вспомнил своего старшего товарища.

Его облик он уже не мог вспомнить.

Но тот демон был единственным, кто делился с ним едой.

Когда он был ещё маленьким, в один из дней, когда он умирал от голода, старший товарищ бросил ему остов.

Прямо как тот остов, что он только что выбросил.

Глаза Каликэ уже почти закрывались.

В его поле зрения вдруг мелькнул зелёный цвет. Раскрыв глаза, Каликэ поднял этот зелёный предмет... это была зелёная... Лысый демон не знал такого украшения, как заколка для волос.

Но это не мешало ему любить зелёный цвет.

Росший в лишённом зелени Ефаэре, многие местные демоны любили зелёный.

Он помнил, как однажды отнял у маленького демона-торговца зелёную конфету.

Тот зелёный фантик он до сих пор хранил, закопав его в землю в своей пещере.

Нет, не отнял, он заплатил, заплатил одну костяную монету.

Перебирая в руках зелёную заколку, Каликэ снова заснул.

После того как он заснул, узоры на зелёной заколке вдруг зашевелились, словно ожили. Узоры, словно змеи, поползли вверх по руке Каликэ, пока всё его тело не покрылось знаками, похожими на заклинания. Каликэ резко проснулся от глубокого сна!

Весь в поту, он в ужасе смотрел на узоры, покрывавшие его тело. Он попытался сбросить их, но бесполезно! Не только бесполезно — узоры стали ещё гуще!

Глаза готовы были выскочить из орбит от ужаса, как вдруг Каликэ услышал звук.

— Ква!

Чёткое ква.

Затем он увидел, что странная штуковина, лежавшая на земле, неизвестно когда поднялась.

Живот по-прежнему был распорот, но она села.

Задние лапы и задница сидели на земле, две тонкие передние лапки тоже упирались в землю.

— Ква!

Она издала звук снова.

Затем, оттолкнувшись задними лапами, это демоническое чудище прыгнуло в сторону Каликэ.

В момент прыжка Каликэ увидел, как на месте, где, предположительно, должен быть рот, открылась щель, и внезапно разверзлась чёрная, как бездна, пасть.

И затем...

В пещере не стало Каликэ.

Он был проглочен.

Проглотившее Каликэ чудище внезапно увеличилось в размерах на целый круг.

— Гуа-гуа! — проквакало оно ещё дважды, а затем выпрыгнуло из логова Каликэ.

Тяжёлое тело прыгало по свалке. Оно двигалось на запад, и с каждым прыжком тело чудовища становилось всё меньше и меньше. Наконец, когда оно снова стало примерно того же размера, что и раньше, оно уже пересекло множество тропинок и свернуло на особенно чистую и безлюдную дорожку.

Дорожку, которую многие хорошо знали, — именно ту, по которой Цзи Хуань каждый день возвращался домой.

Протиснувшись через щель в железных воротах, оно с шумом плюхнулось во дворе дома Цзи Хуаня.

Айрока взглянула в направлении падения, затем снова отвернулась.

Чудовище продолжило прыгать. Его тело прошло сквозь входную дверь дома, затем прямо сквозь дверь в спальню Цзи Хуаня и приземлилось у его кровати.

— Ква! — снова раздалось.

— Гуа-гуа, — тоненький голосок отозвался из темноты.

Это был Хэй Дань, сидевший на большой кровати.

Цзи Хуань крепко спал рядом с ним. Хэй Дань один сидел на большой кровати, уже давно звал Гуа-гуа по имени.

Пока Гуа-гуа снова не появился перед ним.

Маленькое тельце лёгло на кровать, Хэй Дань протянул руку к Гуа-гуа под кроватью.

Гуа-гуа покорно позволил себя схватить, а затем выплюнул ему зелёную заколку для волос.

— А-я~ — Хэй Дань был невероятно рад.

Погладив маленькую головку Гуа-гуа, Хэй Дань уложил его на привычное место на кровати, затем снова залез под одеяло, обнял руку Цзюцзю и снова погрузился в сон.

Ощущение, когда просыпаешься утром и видишь маленького демона с растрёпанными волосами...

Цзи Хуань нежно погладил головку Хэй Даня, и тот ещё глубже зарылся макушкой в подмышку Цзюцзю, задрал круглую попку.

Аккуратно высвободив руку, Цзи Хуань по привычке потянулся к кровати, чтобы сунуть игрушечную лягушку в объятия Хэй Даня. Но он тут же вспомнил, что той игрушки уже нет. Однако его рука уже по привычке нащупала привычное место, где лежала игрушечная лягушка.

Почувствовав знакомую текстуру, Цзи Хуань мгновенно повернул голову.

И увидел знакомую маленькую лягушку.

С двумя глазами — один больше, другой меньше — и большим ртом, растянутым в улыбку до ушей. Спина и передние лапки зелёные, а брюшко белое.

Когда Цзи Хуань посмотрел на маленькую лягушку, та словно смотрела на него.

Прообразом этой лягушки послужила плюшевая лягушка, которую Ван Сяочуань подарил Хэй Даню. В памяти Хэй Даня осталась та игрушка, что скрасила его первые месяцы в мире людей. Эта лягушка, сшитая им, очень похожа на ту первую.

Правда, швы на игрушке были грубыми, а глаза разного размера — это уже больше напоминало маленькую лягушку, которую Цзи Хуань пришивал Хэй Даню на штанишки.

У самой первой плюшевой лягушки даже не успело появиться имя, прежде чем её выбросили. Теперь же эту лягушку зовут Гуа-гуа, потому что Дедуля сказал Хэй Даню, что лягушки кричат ква-ква.

— Гуа-гуа? — Цзи Хуань вдруг назвал игрушку по имени.

Гуа-гуа с улыбкой смотрел на него, не издавая ни звука.

— Гуа-гуа! — звонкий детский голосок вдруг раздался у его ноги.

Цзи Хуань посмотрел вниз и увидел, что Хэй Дань тоже проснулся. Маленький демон с растрёпанными волосами, казалось, очень обрадовался, увидев Гуа-гуа. Цзи Хуань взял игрушечную лягушку, чтобы передать ему, но, подняв её, обнаружил, что брюшко игрушки порвано — длинная щель.

— Я! Я! — казалось, Хэй Дань очень забеспокоился.

Он потянул за футболку Цзюцзю маленькой лапкой и устремил на него полный надежды взгляд.

— Хорошо, зашью тебе, — тут же поняв, что хочет малыш, Цзи Хуань слез с кровати.

Он надел шлёпанцы, достал из комода иголку с ниткой и вернулся на кровать.

— Ниточку какого цвета? — спросил Цзи Хуань Хэй Даня, доставая все мотки ниток.

Хэй Дань становился всё старше, и Цзи Хуань начал тренировать его способность делать выбор, всё чаще разговаривая с ним, спрашивая его мнение и предлагая делать простой выбор.

— Зе-зе-зе! — Конечно же, в выборе цвета Хэй Дань без колебаний выбрал зелёный.

Цзи Хуань лишь покачал головой.

— Хэй Дань, посмотри ещё раз, какого цвета брюшко у Гуа-гуа? Разве зелёный тут подойдёт? — мягко направил его Цзи Хуань, чтобы он подумал.

Хэй Дань посмотрел на Цзюцзю, затем опустил взгляд на мотки ниток и, наконец, снова на брюшко Гуа-гуа.

Брюшко у Гуа-гуа белое, и вата внутри тоже белая.

Уставившись на Гуа-гуа своими белыми глазками-бубликами, Хэй Дань долго смотрел, и, наконец, словно приняв трудное решение, повернулся, протянул маленькую лапку, взял с кровати белый моток ниток и подал Цзи Хуаню.

— Угу, я тоже думаю, белый лучше, — сказал Цзи Хуань, беря моток ниток.

Он указал в сторону свинарника за окном.

— Это белый цвет. Имя Да Бая — это и есть этот цвет, и сам Да Бай такого цвета.

Хэй Дань очень любил Да Бая. Услышав, что его можно связать с этим цветом, маленький демон снова обрадовался.

Затем Цзи Хуань начал вдевать нитку в иголку.

Сегодня был выходной, и он мог провести его относительно спокойно.

Когда он взял в руки игрушечную лягушку, сердце Цзи Хуаня вдруг дрогнуло: это было странное чувство.

Гуа-гуа выглядел как тряпичная кукла, сшитая нитками и тканью. В этом не было ничего удивительного, ведь Хэй Дань создал Гуа-гуа по образу той игрушки, что у него когда-то была. Но в самом начале Цзи Хуань не мог ощутить Гуа-гуа.